

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

Юдахин, Н.Н.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ТИЛ ЖАНА АДАБИЯТ
ИНСТИТУТУНУН ЭМГЕКТЕРИ

ВЫПУСК
VI
ЧЫГЫШЫ

Фрунзе
1956

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Выпуск VI

1956 г.

ЮДАХИН

Константин Кузьмич

К. К. ЮДАХИН

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ КИРГИЗСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В. В. Радлов, первым начавший в широком плане сбор материалов по живым тюркским языкам, уделил свое внимание и киргизскому языку. Его записи, как мне уже приходилось отмечать, являются первым памятником живого киргизского языка. В этом их исключительная ценность. Они, эти материалы, ждут специального исследования. Надеюсь, что кто-нибудь из молодых киргизских языковедов возьмется за эту интересную и очень важную для киргизского языкознания работу.

Непосредственно киргизской диалектологией В. В. Радлов не занимался, но собранные и опубликованные им материалы представляют значительный интерес для диалектолога. Детально это значение будет выявлено в специальном исследовании. Пока же я остановлюсь на двух фактах, имеющихся в записях В. В. Радлова, но не отмеченных ни одним языковедом в советское время.

1. Начальный «ј», который не только проходит по всей V части «Образцов», но и особо отмечен В. В. Радловым в его «Фонетике», где он прямо говорит, что киргизский согласный анлаут отличается от казахского только тем, что казахскому «ш» в киргизском соответствует «ч», а казахскому «ж» соответствует «ј» (стр. 127).

Соответствие «ш—ч» сомнений не вызывает, хотя, как давно было известно, в казахском «ч» и «ш» — принадлежность диалектная. Что же касается начального «ј», то этот вопрос пока так и остается спорным. Нужны специальные разыскания. Подтверждение данных Радлова имело бы первостепенное значение не только для диалектологии и истории киргизского языка, но и общелингвистическое. Ведь это значило бы, что такое большое фонетическое изменение произошло в сравнительно короткий срок и без какого-либо иноязычного влияния буквально на наших глазах.

2. Вспомогательный глагол «эде», наряду с формой «эле», представлен в записях В. В. Радлова. Да, пожалуй, вариант «эде» встречается чаще, чем «эле». Мы знаем, что записи Радлова относятся к современной северной Киргизии и к долине р. Текеса. В наше время форма «эде» на севере не отмечена. На юге она является одним из отличительных признаков ичкилийских говоров. Сведений о говоре текесских киргизов мы не имеем. В своем словаре В. В. Радлов форму «эде» для киргизского языка не отмечает.

В чем же дело? Ошибка в записи, как мне представляется, должна быть исключена. Видимо, эта форма во времена Радлова была живой на севере. Нужно будет поискать ее следы. Ведь речь идет не просто о сло-

ве, которое легко может быть утрачено, а о вспомогательном глаголе, т. е. о факте уже скорее грамматическом, чем лексическом.

При обсуждении программы по диалектологии в Киргосуниверситете И. А. Батманов предложил обратить внимание на транскрипционный знак «ä» (а—умлаут), употреблявшийся Радловым при записи киргизских текстов. По моему мнению, этот вопрос ясен: знак «ä» во всех киргизских записях Радлова следует читать только как «е» (э). Этот знак (ä) у Радлова отражает только его систему транскрипции, а не является обозначением отличной от «э» фонемы или ее варианта.

Отдельные «казакизмы», например, «мың» вместо «мин» понятны и ясно видны. То же можно сказать и о неточностях и непоследовательности в транскрипции. Это все легко вскрывается и для нас трудностей не представляет.

После В. В. Радлова, если не считать публикации небольшого киргизского текста венгерским ученым Г. Альмаши, изучение живого киргизского языка, т. е. его диалектов, прекращается. В отдельных работах по другим тюркским языкам есть лишь отдельные замечания по киргизскому языку, основанные на записях Радлова.

Первым исследованием киргизских диалектов в послереволюционный период является работа И. А. Батманова «Северные диалекты киргизского языка», опубликованная в 1938 году. Выходом в свет этой работы мы с полным правом можем датировать начало киргизской диалектологии. Специальной диалектологической является и работа того же автора «К генезису диалектов киргизского языка».¹ Отдельные замечания есть и в других его работах.

Некоторые мысли по киргизским диалектам высказаны в моей статье «Из ляйлякских материалов».

После этого вся специальная работа по киргизской диалектологии ведется уже киргизскими диалектологами. В первую, по времени, очередь следует назвать статью Д. Ш. Шукурова «Материалы по алайскому говору». (См. «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1946 г.). В этой статье впервые дан документированный текстовой материал. Дальше идут завершенные и завершающиеся исследования К. Бакеева, Г. Бакиновой, М. Тюряджановой, Дж. Мукамбаева по отдельным говорам.

Особо следует выделить, хотя еще не опубликованную, но уже известную киргизоведам работу Б. М. Юнусалиева. Работа эта интересна и важна тем, что Б. М. Юнусалиев, единственный из киргизоведов, лично побывал почти во всех концах Киргизии и имеет собственные материалы по всем основным киргизским говорам, включая и говоры некоторых представителей синьцзянских киргизов.

Завершением современного этапа развития киргизской диалектологии я считаю разработку соответствующего курса для Киргосуниверситета. Эту работу начал Б. М. Юнусалиев. Им разработана подробная программа и начато чтение курса. Программа широко обсуждена и принята, что дает мне право в дальнейшем изложении ссылаться на эту программу, как на официальный документ.

«Высказывания о северных и южных говорах, к сожалению, пока носят априорный характер (22)», — говорит И. А. Батманов в своей книге «Современный киргизский язык». Книга вышла в 1953 году, а подготовлена к печати, конечно, раньше. Думаю, что теперь эту мысль следует формулировать в менее категорической и в менее общей форме.

¹ Труды ИЯЛИ КирФАН СССР, вып. I, Фрунзе, 1945.

До последних лет выбор объектов изучения для нашихialectологов носил случайный характер, материал собирался в тех местах, куда по какой-либо причине, иногда случайно, попадал тот или иной языковед. Начну с себя.

В 1947 году мне пришлось несколько дней провести в Ляйлякском районе. Результатом этого явилась небольшая статья «Из ляйлякских материалов». Больше я ни в этом, ни в соседних районах не бывал.

Тов. Дж. Мукамбаев был командирован Министерством просвещения в Гарм для преподавания киргизского языка на курсах переподготовки учителей. Заинтересовавшись местными dialectными особенностями, он остановил свой выбор на киргизском говоре Джерге-Тальского района.

Тов. М. Туряджанова работала в Оше, чем и объясняется ее работа над ближайшим к Ошу киргизским говором Тюлейкенского района, и т. д. Программу каждый dialectolog составлял сам для себя.

Принесло ли такое изучение пользу? Безусловно, да. Оно дало нам много новых фактов, но только часть их прослежена на значительной территории, многие же даны лишь для отдельных пунктов.

Например, интересная форма настоящего времени «барайтат» отмечена была только для Джумгала, а затем Б. М. Юнусалиев обнаружил ее в Таласе, в Чуйской долине и в некоторых районах Джалал-Абадской области.¹ Можем ли мы с уверенностью сказать, что в других местах ее нет? Едва ли. Можно ли сказать, что она распространена по всей Чуйской долине или по всей Таласской области? Априори можно дать отрицательный ответ. Есть ли у нас точная локализация? Нет.

А интересна она хотя бы уже тем, что налична в карабулакском говоре узбекского языка, хотя с этим говором киргизский язык в известную нам историческую эпоху как будто в непосредственное соприкосновение не входил.

То же следует сказать и о форме «жатыры», «туру», «отуру», «жүрү».

О говорах ичкиликов мы в настоящее время имеем как будто довольно ясное представление. Но и здесь не можем с уверенностью сказать даже о таком явлении, как множественное число 3-го лица настоящего будущего времени (бараттар), что эта форма присуща всем ичкиликам. Так и по ряду других существенных вопросов.

Правда, вот уже два года, как сектор языка ИЯЛИ пытается ввести это дело в систему. Это — уже большой плюс по сравнению с прежним любительством. Однако должной планомерности в этом деле еще нет. Да и к участию в экспедициях часто привлекаются люди, к этой работе мало подготовленные. Едут они без строгого предварительного инструктажа и без должной тренировки. В выборе районов обследования, мне кажется, тоже еще нет надлежащей продуманности. (Ср. 1953—54—55 годы). Мне представляется, что движение следует начать не с «глубинок», а с ближайших к Фрунзе мест и идти дальше шаг за шагом. Преимущество такого плана заключается хотя бы уже в том, что мы могли бы держать наших начинающих dialectologов под постоянным наблюдением, контролировать их работу и помогать им научными советами.

Мы часто и много говорим об узбекском влиянии на южно-киргизские говоры. При этом все согласны с тем, что это влияние есть и что оно значительно. Но ведь свои выводы мы строим без фактов, чисто умозрительно. Говоря о влиянии узбекского языка, мы имеем в виду какой-то

¹ Эти сведения почерпнуты мною из программы по киргизской dialectологии: Кыргыз мамлекеттик университети. Кыргыз dialectологиясы боюнча программа. Фрунзе, 1955. Составлена Б. М. Юнусалиевым.

абстрактный узбекский язык, язык «в общем и целом», как говорят. Иногда для объяснения южно-киргизских языковых фактов у нас делаются тщательные ссылки лишь на грамматику литературного узбекского языка, тогда как на юге киргизский язык приходит в близкое соприкосновение не с нормами узбекского литературного языка, а с живыми местными узбекскими говорами. То же следует сказать и о говорах таджикских.

Доступ к узбекскому и таджикскому языкам открыт для всякого интересующегося. К нашим услугам значительные работы по диалектологии, грамматике и словари этих языков.

Не следует забывать и казахов, с которыми киргизы Чуйской долины, Таласской и Иссык-Кульской областей живут не только в близком соседстве, но часто и смешанно. Это должно быть учтено при изучении северо-киргизских говоров. Тем более, что и в записях Радлова и в дареволюционных письменных памятниках чувствуется связь киргизского языка с казахским.

Среди языковедов Киргизии ведутся споры по некоторым диалектологическим вопросам. Я остановлюсь только на двух, которые считаю важнейшими.

Буду касаться лишь взглядов, высказанных в печати или на официальных заседаниях.

Первый и, с моей точки зрения, основной вопрос сводится к признанию или отрицанию наличия в современном киргизском языке остатков племенных диалектов. Я являюсь сторонником мнения, что такие остатки не только есть, но и что они значительны.

Того же мнения, насколько я могу судить по их выступлениям, придерживаются тт. Г. Бакинова и Дж. Мукамбаев. Взглядов по этому вопросу диалектологов тт. М. Тюряджановой и К. Бакеева не знаю.

Противоположного мнения держатся И. А. Батманов и Б. М. Юнусалиев. Они согласны признать наличие племенных диалектов в прошлом, но отказываются видеть их остатки в современном киргизском языке, оставляя для него только территориальное деление.

Рассмотрим этот важнейший вопрос без ссылок на авторитеты и аналогии, а только с фактами в руках.

И. А. Батманов, касаясь киргизских диалектов, выделяет из них говоры ичкилийские. Что это, признак территориальный, а не этнический? Едва ли сам И. А. Батманов будет настаивать на этом.

Б. М. Юнусалиев дает классификацию киргизских диалектов, придерживаясь территориального принципа. Разделил он их на три группы: 1) северная, 2) юго-восточная и 3) юго-западная. Как будто бы все последовательно. Но посмотрим на признаки третьей, юго-западной, группы:

1) Выпадение «л» (бовойт). Кому, кроме ичкиликов, присущ этот признак? Вместе с И. А. Батмановым мы должны ответить: никому. Где же здесь территория?!

2) Вспомогательный глагол «эде» вместо «эле» всех других говоров. Разве это признак территориальный, а не специфически ичкилийский, т. е. этнический?!

3) Настояще-будущее время множественного числа на «-тар (бараттар)» (стр. 12). Только ичкилики.

4) Склонение с притяжанием 3-го лица (атасыга и др.). Исключительно у ичкиликов.

Словом, все основные отличительные признаки юго-западной группы наличны только в ичкилийских говорах и никакого отношения не имеют к признакам территориальных говоров.

Вторым признаком юго-западной группы Б. М. Юнусалиев берет наличие дифтонгов. Правильно. Но где же находит автор программы носителей этого говора? Вот они: Талас, Чаткал и Джалаал-Абадские саруу и күшчү.

Разве «саруу» и «кушчү» территории?!

Третий признак юго-восточной группы — сохранение «л». Сюда относятся восточные районы Ошской области, Джалаал-Абадская область и Чаткал. В скобках делается оговорка: «какое мест обитания ичкиликов». Почему опять уклонение от территории?

Думаю, этого достаточно, чтобы я имел все основания быть довольно-таки уверен, что Б. М. Юнусалиев конкретными примерами так убедительно доказал правильность моего положения. В равной степени моя признательность относится и к И. А. Батманову.

Говорят, что ичкилики, во-первых, в составе киргизского народа исторически компонент поздний, а, во-вторых, что это не племя, а конгломерат племен. Это известно с конца прошлого столетия и является бесспорным.

Но, пожалуйста спросить, что значит «позднейший»? И. А. Батманов считает, что ичкилики входили в состав южных племен «в течение XVII—XIX веков» (стр. 21). Чем это можно подтвердить? Не знаю. Ни история, ни язык для такого утверждения оснований не дают.

Чтобы ответить на этот вопрос, объединю его с вопросом о конгломератности состава отдела ичкилий. Буду пока рассуждать только как лингвист:

1) Никто из киргизоведов как будто не отрицает, что ичкилики говорят на общекиргизском языке. (Речь идет, конечно, не о литературном языке и не о нормах его, которые должны в конечном счете вытеснить диалектные особенности, а о пока еще реально существующем разговорном языке, далеко еще не во всем совпадающем с этими нормами).

2) «Из типичных классификационных грамматических признаков, отличающих киргизский язык от других тюркских языков Средней Азии, можно назвать следующие:

1. Использование частицы ограничения «эле».

2. Наличие форм «-ыбатат», «-атат» для образования настоящего времени данного момента (жазыбатат, баратат).

3. Образование прошедшего времени обычности действия на «-чу» (жазчумун).

4. Использование форманта «-май» в значении отлагольного имени и некоторые другие признаки. Так пишет И. А. Батманов в своей книге «Современный киргизский язык» (стр. 21).

От себя добавлю кое-какие из некоторых других признаков:

1. Форма родительного падежа на «н».

2. Отрицание «элек» (наличное, между прочим, и в якутском языке в форме «илик»).

3. Губная гармония, которая на всем киргизском юге несколько ослаблена сравнительно с севером, но все же еще сильна.

Ведь все это налично во всех киргизских говорах, в том числе и в ичкилийских. Неужели можно думать, что у разбросанно живущих племен эти очень существенные общие языковые черты выработаны за сравнительно короткий срок?

Теперь конкретно о конгломератности. Да, ичкилики — конгломерат. Это прекрасно показано еще Н. Аристовым. Но откуда у этого конгломерата очень важные общие языковые особенности, о которых мною уже было сказано при разборе классификационных признаков, указанных Б. М. Юнусалиевым для юго-западной группы? Общность территории? Нет, она как будто в данное время и в исторически недавнем прошлом отсутствовала. Видимо, эта общность явилась в результате длительной совместной политической и экономической общности, которая и привела к тому, что племенные диалекты успели перемолоться и выработать общие черты.

Таким образом, у ичкиликов мы имеем, с одной стороны, основные общекиргизские языковые черты, а с другой, — особые, только им свойственные и общие для них особенности, отличающие их диалект от общекиргизского языка. Тут уже никакой речи о признаках территориальных быть не может. Это не значит, конечно, что в целом территориальное распределение не оказало никакого влияния на язык. Речь идет лишь об отдельных типичных отличиях.

По материалам тов. Дж. Мукамбаева видно, что и внутри отдела ичкилик есть свои диалектные различия, распределяемые по признаку родовому. Но об этом, надеюсь, он скажет сам.

Есть и другие доказательства, уже выходящие за пределы непосредственной компетенции лингвиста, их я пока приводить не буду.

В качестве второго примера, кроме ичкиликов, можно взять иссыккульских бугу. Как бы ни относиться к признаку «з—с» для северной группы, т. е. считать ли его одним из основных, как это принято в киргизоведении, или второстепенным, как это значится у Б. М. Юнусалиева, мы должны признать, что по этому признаку на севере говор племени бугу (именно племени) противопоставляется всем остальным говорам.

Сделаю к этому некоторые примечания:

1. Признак «з—с» не указывает на наличие или отсутствие одной из этих фонем в каком-либо говоре, а лишь на их размещение в слове.

2. «Если в древности признак «с» и был связан с солтинцами, то ...». (стр. 24). Так пишет И. А. Батманов. Откуда такие детали по говору солтинцев в древности? Я их не знаю.

3. Признак «с—з» Б. М. Юнусалиев относит не к главным, а к второстепенным. Согласиться с этим никак нельзя. Причин тому две:

1) Для всего севера, кроме бугу, характерен признак «с».

2) Сам же Б. М. Юнусалиев утверждает (и, нужно сказать, делает правильно), что по этому признаку основой литературного языка являются южные говоры. Так едва ли можно признак группы говоров, легших в основу литературного языка именно по этому признаку, считать второстепенным.

К этому примечанию попутно хочется сделать еще одно. Думаю, что теперь материалы по диалектам позволяют нам пересмотреть наш взгляд об основе современного литературного языка. Придется признать, что в основу его легли говоры юго-восточной группы по классификации Б. М. Юнусалиева плюс иссык-кульский.

Возвращаюсь к основной теме.

Значат ли все мои рассуждения, что мы в настоящее время можем отождествлять границы говоров с границами племен? Нет, конечно. Они, эти границы, должны были начать стираться еще очень и очень давно. Политические и экономические связи киргизских племен между собой и с другими народами, экзогамный брак и т. д. делали свое дело и до революции.

Особенно быстро пошло это стирание после Октябрьской революции, когда литературный киргизский язык через школу, печать, радио, театр стал достоянием широких масс.

Стиранию диалектных граней в значительной степени содействует и то тесное живое общение представителей разных говоров, о котором до революции нельзя было и мечтать.

Речь идет только об остатках, которые заслуживают не пренебрежения, а изучения. Да и пора перестать считать ичкилиksкие говоры каким-то наростом на киргизском языке. Они являются одним из равноправных компонентов современного киргизского языка. Да и компонентом далеко не новым.

Вторым спорным вопросом, представляющим несомненный интерес для диалектолога и историка киргизского языка, является у нас вопрос о фонеме «э», которая налична в ряде тюркских языков, в том числе и в территориально ближайших к киргизскому узбекском, казахском и уйгурском. Споры идут о том, появилась ли она в южно-киргизских говорах (на севере ее нет) под влиянием узбекского языка или была еще до встречи киргизов с узбеками на их современной территории. Я держусь второго мнения, а поэтому постараюсь его обосновать.

Фонема эта отмечена по всему югу Киргизии. На севере ее распространение захватывает Чаткальский район Таласской области. Но этот район в языковом отношении, как, впрочем, исторически в экономическом и культурном отношениях, принадлежит югу, а не северу. О современном административном делении спорить не будем.

Она налична в таком отдаленном от непосредственной связи с узбекским языком районе, как Чаткал.

Но эта фонема не отмечена в Кировском районе Таласской области, где киргизы с давних пор находятся в тесных сношениях с джамбульскими (аулиятинскими) узбеками и с казахами, у которых она имеется. Отсутствует она и в Чуйской долине. А здесь связи с казахами давние и прочные. Нет ее в Атбашинском районе, где киргизы имеют давние связи с уйгурами.

Фонема эта больше распространена в районах близкого соседства киргизов с узбеками, чем в местах более отдаленных от такого соседства.

Когда-то утверждали, что фонема «э» встречается только в заимствованных словах. Теперь говорят, что она встречается преимущественно в заимствованных словах.

Таким образом, мы наблюдаем, что как будто в одинаковых условиях в смысле одинаковых языковых связей фонема «э» в одних говорах появляется, а в других — нет.

Видимо, дело одним заимствованием и влиянием тут не обходится. Попытаюсь ответить на этот кажущийся запутанный вопрос. Мне представляются правильными следующие два тезиса:

1) У большей части носителей южно-киргизских говоров фонема «э» была налична до их встречи с узбеками.

2) Под влиянием узбекского языка только расширилось употребление ее.

При таком толковании нам легко будет объяснить и то, почему случаи употребления этой фонемы уменьшаются по мере удаления от пунктов близкой связи киргизского языка с узбекским и почему этих случаев так много в словах заимствованных. А это просто потому, что при наличии этой фонемы в говоре все слова с этой фонемой, заимствуемые из

другого языка, переходят в отношении этой фонемы в киргизский язык без изменений.

Так, даже материалы нашего времени дают достаточно убедительное подтверждение этому. Русское «а» продвинуто более вперед сравнительно с киргизским и приближается к южно-киргизскому „э“. Поэтому русское „а“ воспринимается южанином как свое „э“: пәжәрник, кәмәндивит, рәнин, пәжәлистә и т. д. На севере же, где „э“ нет, русское „а“ распределяется по наличным фонемам „а“, „е“.

В качестве аналогии были бы крайне интересны материалы по казахским говорам мест, близких к Ташкенту, Чимкенту, Туркестану и др. Мы знаем, что фонема «ә» характерна в казахском языке для первого слога. Во всех ли казахских говорах это явление одинаково? Есть ли случаи расширения употребления «ә» в местах близкого соприкосновения казахского и узбекского языков? Выяснить это — задача не только казахских, но и киргизских диалектологов.

Да и в отношении заимствований из русского, например, в словах типа әбизәтелни.

Попутно скажу, что и случаи употреблений «ә» в словах киргизских не так уже редки, как это может показаться на первый взгляд. Приведу несколько примеров из своих записей, сделанных для выявления случаев употребления „ә“ в аффиксах: бәйләгән, тәштәгән, жәщәгән, эйләнгән, жәйнәгән, әйткән, шәшкән и др. Можно привести случай, когда открытое „о (ɔ)“ в узбекском дает в южно-киргизском „ә“: жәнгә (жэнгә), чәйгә (чайгә), жәшкә (йашкә), тәйэрләгән (тэйэрләгэн) и др.

Для окончательного решения вопроса должны быть изучены дополнительные материалы.

Этим заканчивается вопрос о спорах.

Задачи наших диалектологов мне представляются в следующем виде:

1. Ввести строгую плановость в сборе материалов, начав это дело с ближайших к Фрунзе районов.
2. Работу вести по строго определенной программе и в соответствующей транскрипции. Начало этому уже положено (см. опубликованную ИЯЛ инструкцию-справочник по сбору диалектологического материала, составленную Г. Бакиновой: «Диалектологиялык материалдарды жыйиноо боюнча справочник», Фрунзе, изд. АН Киргизской ССР, 1955).
3. Ввести в практику инструментальную запись, чего до сих пор не было.
4. Документировать тексты не только географически, но и этнически.
5. Начать изучение киргизских диалектов в связи с соседними языками (узбекским, казахским, уйгурским, таджикским).
6. При обработке материалов учитывать историю языка и особенности исторически близких киргизскому других тюркских языков, например, горно-алтайского.
7. Начать систематическое издание материалов, т. е. текстов, не дожидаясь исследования, как это сделал профессор Н. А. Баскаков по каракалпакскому языку.